

И. В. КРЮЧКОВ

РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТЫ О ГЕРМАНИИ И НЕМЦАХ ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВЕНГРИИ (конец XIX — начало XX века)

Крючков Игорь Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640003807-5

Российских дипломатов, работавших в конце XIX — начале XX в. в Австро-Венгрии, для оценки прочности союзных отношений Германии с Австро-Венгрией интересовало отношение венгерского общества к Германии и Тройственному союзу. Этот вопрос они тесно увязывали с характером взаимоотношений Будапешта с немцами Венгрии и германофильскими кругами в Вене.

После заключения союзного договора с Германией в 1879 г. отношение к империи Габсбургов в России приобретает новые черты. В политических кругах Санкт-Петербурга Австро-Венгрия начинает рассматриваться в качестве младшего партнера Берлина, все больше попадающего в зависимость от старшего. Провал компромисса Вены с чехами в октябре 1871 г. в России напрямую связывали с позицией, занятой по этому поводу венгерской частью Дунайской монархии и Германией¹. В Санкт-Петербурге опасались использования Австро-Венгрией союза с Германией для проведения наступательной политики на Балканах в ущерб интересам России². Более того, в России союз Германии и Австро-Венгрии рассматривали как мощный пангерманский блок, который бросал вызов славянскому миру и готовился к экспансии на Балканах и Ближнем Востоке³.

Венгрия, по представлениям правящей элиты России, занимала видное место в заключении союза 1879 г. В его подготовке и подписании важную роль сыграл Д. Андраши, министр иностранных дел Австро-Венгрии с 1871 по 1879 г.⁴ Венгры, напуганные событиями 1849 г., активно поддерживали этот договор, а совместные действия Будапешта и Берлина в 1871 г. по поводу чешского компромисса укрепили единство мнений в Германии и Венгрии по поводу перспектив сотрудничества империй Габсбургов и Гогенцоллернов.

В конце XIX в. в российских дипломатических кругах господствовало утверждение о полной поддержке Венгрией союза с Германией. В этом союзе Будапешт усматривал противовес наступательной политике России на Балканах и в Центральной Европе, а также гарантию сохранения дуализма Дунайской монархии⁵.

Рассуждая о причинах распространения в венгерском обществе популярности союза Австро-Венгрии и Германии, генеральное консульство России в Будапеште

¹ Котляревский С. Иностранная политика. — Русская мысль, 1907, № 6, с. 196.

² Стахович А. Заметки о русской внешней политике на Ближнем Востоке. — Русская мысль, 1909, № 1, с. 212—213.

³ Голос (Санкт-Петербург), 21.XII.1882.

⁴ Левин И. Заключение австро-германского союза. — Русская мысль, 1915, № 9, с. 75.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), ф. 172 Посольство в Вене, оп. 514/2, д. 201, л. 294.

выделяло и внутривнутриполитические проблемы Венгрии. К горячим сторонникам союза с Германией российские дипломаты относили К. Тису, лидера Либеральной партии и премьер-министра Венгрии с 1875 по 1890 г. По мнению российских дипломатов, прогерманская позиция венгерского политика определялась его славянофобией и русофобией. Заручившись поддержкой Берлина, он стремился к наступлению на права национальных меньшинств внутри Венгрии⁶. Генеральный консул России в Будапеште князь В. Е. Львов полагал, что проведение любых действий против славянского населения в Транслайтании (наименование земель венгерской короны в составе двуединой Дунайской монархии) вызывало неприятие среди славян Австро-Венгрии, России и балканских стран. Лишь мощная поддержка Германии позволяла Будапешту проводить политику ограничения прав славян и других национальных меньшинств внутри страны⁷. Вплоть до начала Первой мировой войны российские дипломаты постоянно рассматривали этот фактор как одну из весомых причин популярности союза с Германией среди правящих кругов Венгрии.

В начале 1900 г. Львов еще раз подтвердил приверженность Венгрии Тройственному союзу⁸. В этой связи внимание дипломата привлекли два события. Во-первых, выступление одного из оппозиционных депутатов Г. Угрона в парламенте страны, где он подверг сомнению целесообразность дальнейшего сохранения союза с Берлином. Во-вторых, появление в общественно-политических кругах России мнения о возможности разрыва союза Австро-Венгрии с Германией. В первом случае дипломат в качестве аргумента приводил результаты дискуссии в парламенте, где Г. Угрон и его сторонники оказались в меньшинстве. Второе обстоятельство не подтверждалось фактами, так как, на взгляд Львова, большинство венгров поддерживало союз с Берлином.

В тоже время, генконсул России отмечал появление в венгерской части империи Габсбургов противоположной точки зрения: критического восприятия союза Австро-Венгрии и Германии. Заявления Г. Угрона представляли новую тенденцию, но нельзя было преувеличивать ее влияние на политические настроения венгерского общества, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Львов приводил четыре причины появления в Венгрии настроений в пользу разрыва союза с Германией. Во-первых, в 1879 г. во время заключения союзного договора венгры боялись российской угрозы. Но в начале XX в. между Россией и Австро-Венгрией развивались дружеские отношения, в связи с чем у части венгерской общественности возникал вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения союза с Берлином. Во-вторых, как отмечал консул, «мадьяры не любят немцев»⁹. По его мнению, венгры никогда не испытывали доверия, тем более любви к немцам. Этому способствовали непростые взаимоотношения Венгрии с династией Габсбургов и печальный опыт 1848—1849 гг. Германия их настораживала своей агрессивной политикой на международной арене. Получалось, что из двух угроз, панславизма и пангерманизма, в 1879 г. венгры выбирали наименьшую. Но их поддержка союза с Берлином не имела под собой глубоких стратегических оснований. В-третьих, Венгрия отмечала усиление славянского фактора в развитии австрийской части империи Габсбургов. Венгры прилагали усилия по налаживанию диалога со славянскими народами внутри страны и за ее пределами. Правда, по мнению Львова, это у Будапешта получалось «неуклюже и неумело»¹⁰. В-четвертых, нарастающая экономическая экспансия Германии в Австро-Венгрии, на Балканах и Ближнем Востоке негативно сказывалась на развитии венгерской экономики, особенно промышленности.

⁶ Там же, ф. 151 Политархив, оп. 482, д. 577, л. 30.

⁷ Там же, л. 30.

⁸ Там же, д. 575, л. 2.

⁹ Там же, л. 3.

¹⁰ Там же.

Последнее обстоятельство постоянно обсуждалось среди политиков, экономистов и журналистов Транслайтании. Каждый демарш Германии способствовал новому витку дискуссий о характере экономических взаимоотношений Австро-Венгрии с Германией; в этом контексте не раз выплывала проблема отношений с Россией. В 1901 г. Германия повысила таможенные пошлины на экспорт сельскохозяйственной продукции. В феврале 1901 г. Львов сообщал о большой озабоченности экономических и политических кругов Венгрии по данному поводу. Венгры опасались не только сокращения ввоза своей аграрной продукции в Германию, но и возможного обострения конкуренции между аграриями России и Венгрии на рынках других государств после частичной потери германского рынка¹¹.

В мае 1901 г. генеральный консул в Будапеште, рассуждая о динамике торговых взаимоотношений России с Германией, отмечал объективную выгодность жесткой позиции Санкт-Петербурга для Венгрии. Требуя от Берлина снижения протекционистских пошлин на экспорт сельскохозяйственной продукции, Россия невольно действовала в интересах Венгрии, также зависящей от аграрного экспорта в Германию и являвшейся одним из объектов для атак германских аграриев. Поэтому Вене и Будапешту не приходилось самим вести трудные переговоры с Германией. За них это делала Россия. Кроме ухода от тяжелых боев с прусскими юнкерами, на взгляд российского дипломата, Венгрия получала еще одно важное преимущество. Укрепляя, не без участия России, свои позиции на рынке Германии, она ослабляла свою зависимость от австрийского рынка, куда Транслайтания направляла основную часть сельскохозяйственной продукции¹².

Российские дипломаты обращали внимание на отсутствие полного совпадения позиций Вены и Будапешта по поводу перспектив развития союзных отношений с Германией. С начала 1889 г. в Австро-Венгрии вновь разворачивается полемика о необходимости строительства дополнительных железных дорог, соединявших империю Габсбургов с Германией, что объяснялось их востребованностью в случае войны с Россией и важностью развития экономических связей между двумя союзными империями. В Венгрии эти проекты вызвали нейтральную, если не отрицательную реакцию. Посольство России в Вене в письме в министерство иностранных дел в Санкт-Петербург отмечало опасения венгров, что в случае реализации указанных железнодорожных проектов будет существенно удешевлена перевозка германских промышленных товаров в империю Габсбургов, в том числе в Транслайтанию, а это нанесет большой вред венгерской промышленности. Более того, венгры были обеспокоены возможностью расширения с помощью новых железных дорог экономического проникновения Германии на Балканы в ущерб интересам Двуетнической монархии¹³.

В 1902 г. Львов отмечал растущее желание политических и деловых кругов австрийской части империи к расширению экономических связей с Россией. В то же время, по его мнению, эти настроения не находили поддержки в Будапеште. С одной стороны, эта позиция венгерской правящей элиты объяснялась нежеланием портить отношения с Германией, с другой — опасениями роста конкуренции с сельскохозяйственными производителями России на европейских рынках и прежде всего в Цислайтании¹⁴.

В конце октября 1902 г. российский генконсул обратил внимание на распространение пангерманизма в Венгрии. В первую очередь эти идеи нашли поддержку среди немцев, проживавших в Трансильвании, а затем среди немецкого населения Баната¹⁵. Причины этого явления дипломат усматривал в политике мадьяризации, затронувшей и интересы немецкой части населения венгерской части империи

¹¹ Там же, д. 576, л. 2.

¹² Там же, л. 45.

¹³ Там же, ф. 172 Посольство в Вене, оп. 514/2, д. 201, л. 306—307.

¹⁴ Там же, ф. 151 Политархив, оп. 482, д. 577, л. 1.

¹⁵ Там же, л. 158.

Габсбургов, и в общем росте популярности идей пангерманизма в Европе, вызванных успехами Германии. Этот процесс затронул и австрийскую часть империи, прежде всего, Богемию и Моравию¹⁶.

Возникал вопрос о возможной помощи, в частности финансовой, пангерманистам Венгрии из Германии и Цислайтании. У генконсула не было прямых доказательств этого, но он не исключал возможности таких действий. Один из банков Германштадта (совр. Сибиу. — *И. К.*) оказывал финансовую помощь сторонникам пангерманизма в Венгрии. Возможно, на его счета приходили деньги из Германии и Цислайтании. Еще одним свидетельством поддержки пангерманистов Венгрии извне являлись постоянные нападки германской и австрийской прессы на венгерское правительство по поводу его политики по отношению к немцам страны¹⁷.

После трагической гибели наследника престола кронпринца Рудольфа 30 января 1889 г. в Вене и в Будапеште признали в качестве нового наследника эрцгерцога Франца-Фердинанда. Посольство России в Вене обращало внимание на большую популярность кронпринца Рудольфа в венгерском обществе, отмечая глубокую скорбь венгров в связи с его гибелью. Личность нового наследника престола сразу же привлекла внимание общественности Австро-Венгрии и других государств. В российских дипломатических кругах получила распространение информация, что император Франц-Иосиф I был невысокого мнения о наследнике престола и его политической программе¹⁸. В этом контексте в начале XX в. в Европе все чаще говорили о нарастающей вражде между Францем-Иосифом и Францем-Фердинандом¹⁹. В Санкт-Петербурге и большинстве европейских столиц не доверяли Францу-Фердинанду, видели в нем сторонника идей пангерманизма и тесного союза Австро-Венгрии с Германией. Эрцгерцога многие политики в России считали главой венской «партии войны», стремившейся при поддержке Германии к решительным действиям на Балканах²⁰.

В Будапеште внимательно следили за действиями эрцгерцога и его окружения — так называемой «бельведерской партии». Уже первый политический демарш Франца-Фердинанда вызвал большое разочарование в Венгрии: свой первый визит в качестве наследника престола он совершил не в Будапешт, а в Берлин²¹. В Санкт-Петербург из Вены и Будапешта российские дипломаты присылали различные варианты преобразования империи Габсбургов, выдвигаемые Францем-Фердинандом и его окружением. Каждый раз дипломаты отмечали их крайний антивенгерский настрой, что отражало взгляды наследника²². Многие дипломаты, включая советника посольства России в Вене С. Н. Свербеева, считали, что именно окружение Франца-Фердинанда и пангерманисты Цислайтании стремились использовать в своих интересах набирающий силу конфликт между Венгрией и Хорватией. Пангерманисты и представители «бельведерской партии» не раз заигрывали с хорватским национальным движением, обещая хорватам помощь в борьбе с Будапештом²³. Российские дипломаты допускали, что «бельведерская партия» и пангерманисты Цислайтании оказывают, и не только на словах, поддержку стремления отделения Хорватии от Венгрии. Цель этой политики состояла в ослаблении Венгрии и начале реформирования системы дуализма.

¹⁶ Ратнер Н. Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1970, с. 68—69.

¹⁷ АВПРИ, ф. 151 Политархив, оп. 482, д. 577, л. 159.

¹⁸ Там же, ф. 135 Особый политический отдел, оп. 474, д. 309, л. 1.

¹⁹ Бюлов Б. Воспоминания. М. — Л., 1935, с. 424.

²⁰ Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. СПб., 2008, с. 228—229.

²¹ АВПРИ, ф. 172 Посольство в Вене, оп. 514/2, д. 201, л. 328.

²² Там же, ф. 151 Политархив, оп. 482, д. 582, л. 145.

²³ Там же, д. 1506, л. 31.

В начале 1908 г. отношения Вены с Санкт-Петербургом начинают обостряться. В России с большим раздражением восприняли планы Австро-Венгрии по строительству железной дороги через Новипазарский санджак²⁴. Управляющий генеральным консульством России в Будапеште В. фон Штральборн получил из министерства иностранных дел задание изучить отношение венгерской общественности к этому проекту. Штральборн сообщал в посольство России в Вене о противоречивой реакции правящих и деловых кругов Венгрии. Одни поддерживали проект, рассчитывая на закрепление экономических и политических позиций империи Габсбургов на Балканах. Другие высказывали большие сомнения в целесообразности проекта, так как он нес значительные политические риски, а экономические выгоды были весьма сомнительны. В качестве подтверждения своей позиции дипломат приводил статью популярной газеты «Пешти Хирлап», которую он относил к числу периодических изданий, подконтрольных бывшему премьер-министру страны Д. Банфи. По мнению газеты, от проведения железной дороги к Салоникам больше всего выигрывала Германия, получавшая возможность значительного увеличения экспорта собственной продукции на Балканы, в том числе в ущерб интересам империи Габсбургов. Более того, железная дорога открывала для Германии не только путь на Балканы, но и в Малую Азию²⁵. По сведениям дипломата, такую позицию разделяла значительная часть правящей элиты в Будапеште.

Штральборн имел тесные контакты с венгерскими политиками и представителями дипломатического корпуса в Будапеште, что позволяло ему получать необходимую информацию из первых рук. Дипломаты разных стран, представленные в столице Венгрии, поддерживали тесные связи друг с другом. Многие из них завязывали дружеские отношения²⁶.

В феврале 1911 г. внимание российских дипломатов привлекли высказывания в парламенте Венгрии одного из лидеров оппозиции графа Баттяни, направленные против Германии. По его мнению, Австро-Венгрии не следовало увеличивать расходы на развитие военно-морского флота, так как это не соответствовало ее военно-политическим интересам. Таким образом, Берлин за счет финансовых ресурсов империи Габсбургов стремился усилить собственные позиции в зоне Средиземного моря²⁷. На взгляд графа, Двудеиная монархия в первую очередь должна была развивать сухопутные войска.

В январе 1912 г. генеральный консул России в Будапеште М. Г. Приклонский, рассуждая о возможности федерализации Австро-Венгрии, признавал такой поворот событий неблагоприятным и даже опасным, поскольку он мог стать сигналом для начала борьбы национальных меньшинств России за свои права и даже за федерализацию империи Романовых²⁸. Следовательно, генконсул фактически признавал выгоду для России сохранения дуалистической монархии Габсбургов. Ближайшую стратегическую задачу внешней политики Санкт-Петербурга Приклонский видел не в трансформации или распаде Австро-Венгрии, а в развале Тройственного союза. России следовало любыми путями оторвать империю Габсбургов от рейха Гогенцоллернов. Решение этой задачи зависело от Будапешта, так как венгерская политическая элита и общественность были последовательными сторонниками сохранения тесного союза Австро-Венгрии с Германией.

Приклонский видел три причины приверженности венгров союзу с Германией. Во-первых, «навязчивая» боязнь венгров панславистской угрозы. Приклонский считал эту боязнь надуманной, не соответствующей реалиям начала XX в. и относил к разряду национальных травм, оставивших глубокие шрамы в историческом сознании венгров. Во-вторых, память о российской интервенции в 1849 г. Эту

²⁴ Гальберштадт Л. Иностранная политика. — Русская мысль, 1908, № 10, с. 206.

²⁵ АВПРИ, ф. 151 Политархив, оп. 482, д. 582, л. 3.

²⁶ Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. М., 1959, с. 164.

²⁷ АВПРИ, ф. 151 Политархив, оп. 482, д. 584, л. 16.

²⁸ Там же, д. 585, л. 8.

причину Приклонский также не считал фатальной, способной надолго разрушить возможности российско-венгерского сближения. В-третьих, Приклонский считал, что политической жизни Венгрии «доминируют» евреи, не испытывавшие особых симпатий к России²⁹.

Генконсул рассматривал союз Будапешта с Берлином противоестественным и с экономической точки зрения. Мощная германская экономика могла рано или поздно поглотить экономику Цислайтании, тем более слабую экономику Венгрии, сделав ее сырьевым придатком Германии. В этом плане Венгрии не стоило опасаться экономического диалога с Россией. Оба государства находились примерно на одинаковом уровне развития, они могли стать хорошими экономическими партнерами³⁰. В 1912 г., несмотря на все противоречия и антироссийские выпады венгерской прессы, Приклонский отметил первые обнадеживающие тенденции внутри венгерского общества, ориентированные на нормализацию отношений с Россией³¹.

В России было распространено представление о нарастании внутривнутриполитического кризиса в Венгрии и необходимости развития связей только с австрийской частью империи Габсбургов. Приклонский считал такую позицию опасной и не дальновидной: с помощью улучшения отношений с Транслайтанией можно было начать сближение с Австро-Венгрией и тем самым способствовать развалу Тройственного союза. Некоторое ослабление Венгрии дипломат рассматривал как следствие временных трудностей³².

Наблюдая за политикой венской «партии войны» на Балканах, российские дипломаты отслеживали и ее шаги, направленные против Венгрии. Российские наблюдатели полагали, что «бельведерская партия» будет, скорее всего, действовать комплексно, решая свои задачи как внутри, так и за пределами империи Габсбургов.

Представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене В. П. Сватковский обратил внимание министерства иностранных дел России на отставку премьер-министра Венгрии К. Куэн-Хедервари, произошедшую 22 апреля 1912 г. По мнению Сватковского, за отставкой стоял эрцгерцог Франц-Фердинанд и военный министр Австро-Венгрии генерал барон М. Ауффенберг. Они давно интриговали против венгерского премьер-министра, которому император долгое время доверял и отбивал атаки на него «партии войны». В тоже время, по сведениям Сватковского, именно эрцгерцог смог уговорить императора назначить Ауффенберга на должность военного министра Австро-Венгрии в 1911 г. Правда, на этой должности барон долго не задержался, уйдя в отставку в декабре 1912 г. из-за разногласий с императором.

В России с большой настороженностью отнеслись к новым назначениям в военном ведомстве Дунайской монархии и последовавшими за этим дипломатическими шагами. В ноябре 1911 г. Франц-Фердинанд и новый начальник генерального штаба генерал Б. Шемуа, также причисляемый российскими дипломатами к числу сторонников наследника, прибыли в Берлин, где встретились с кайзером Вильгельмом II, канцлером Т. Бетман-Гольвегом и начальником генерального штаба генералом Х. Мольтке-младшим. Этот визит вызвал тревогу в Санкт-Петербурге³³.

В свое время tandem Франц-Фердинанд — Ауффенберг, на взгляд Сватковского, активно интриговал против министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталя. Эрцгерцог стремился добиться монополии в проведении военной политики и влияния на внешнюю политику Австро-Венгрии.

Почему же в конечном итоге император согласился на отставку К. Куэн-Хедервари, которого в Венгрии называли «холопом» императора-короля? Сватковский

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, л. 40.

³² Там же, л. 79.

³³ Потемкин В. П. История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время. М., 2015, с. 253.

объяснял это началом премьер-министром закулисных переговоров с оппозицией с целью утверждения военного бюджета империи. Этим фактом решило воспользоваться венское окружение наследника, заявившее о нарушении премьер-министром прерогатив короля, тем самым настроив Франца-Иосифа против Куэн-Хедервари³⁴. Российский агент отмечал полную неожиданность отставки премьер-министра для венгерской общественности.

Сватковский не сомневался в желании эрцгерцога уничтожить систему дуализма и существенно ограничить конституционные права Венгрии; поэтому наследник постоянно интриговал против Будапешта. В Куэн-Хедервари он видел сильную политическую фигуру, способную помешать реализации его планов и предотвратить все возможные варианты введения в стране всеобщего избирательного права.

Для подтверждения своих доводов Сватковский приводил реакцию периодической печати Венгрии на отставку главы правительства. Почти все ведущие издания страны отреагировали отрицательно на отставку, называя ее началом наступления «венской камарильи» на дуализм. Газета «Пештер Ллойд» опубликовала статью о наличии планов военного вторжения в Венгрию, намекая на действия главного идеолога этой политики — наследника престола³⁵. Этот материал особо заинтересовал российского агента, поскольку он демонстрировал единодушие венгерского общества в неприятии политики Франца-Фердинанда и осуждении отставки Куэн-Хедервари³⁶. Анализ материалов венгерских газет позволил русскому журналисту сделать вывод о возможном использовании окружением Франца-Фердинанда в своих интересах представителей национальных меньшинств и социалистов. Это вызывало большую обеспокоенность в политических кругах венгерской части империи Габсбургов.

Начало Первой балканской войны, по мнению российских дипломатов, вновь породило в венгерском обществе опасения по поводу искренности политики России, в частности на Балканском полуострове. В Будапеште подозревали, что за действиями балканских государств скрывались экспансионистские устремления Санкт-Петербурга. После начала Первой балканской войны и до декабря 1912 г. в венгерской прессе и в заявлениях ведущих политиков, на взгляд Приклонского, доминировали антироссийские и антисербские настроения. Многие из них вполне допускали возможность начала войны с Сербией и даже с Россией в случае военной и политической поддержки Берлином империи Габсбургов. В Венгрии в очередной раз наблюдался всплеск германофильских настроений и увеличение количества сторонников укрепления союза с Германией.

Отставки генералов Ауффенберга и Шемуа оказали существенное влияние на настроение венгерской общественности. По мнению российского генерального консула, изменения в высших эшелонах военного руководства австро-венгерской армии поменяли тональность высказываний венгерских газет в сторону большей умеренности. Политики стали чаще рассуждать о нахождении компромисса с Сербией и Россией. Более того, в Будапеште появились утверждения о желании России проводить только оборонительную войну³⁷. Поэтому в начале декабря 1912 г. Приклонский отмечал, что в венгерском обществе никто, за исключением приближенных к «Бельведеру», не хотел войны с Сербией, тем более с Россией³⁸. Военные круги в Будапеште призывали к немедленной войне с Россией, так как последняя, по их мнению, была еще не подготовленной к большой войне с Австро-Венгрией, тем более в союзе с Германией. Генконсул России отметил жаркую полемику, развернувшуюся на страницах венгерских газет. По мнению ряда изданий, кроме Германии, империю Габсбургов в возникшем конфликте поддержат

³⁴ АВПРИ, ф. 135 Особый политический отдел, оп. 474, д. 309, л. 2.

³⁵ Pester Lloyd, 10.III.1912.

³⁶ АВПРИ, ф. 135 Особый политический отдел, оп. 474, д. 309, л. 3—4.

³⁷ Там же, ф. 151 Политархив, оп. 482, д. 585, л. 186.

³⁸ Там же, л. 145.

Италия, Румыния, Болгария и Греция; в таком случае Россия и Сербия окажутся в полной изоляции. В прессе признавалась невыгодность войны на Балканах для Австро-Венгрии, поскольку в империи проживало около 25 млн славян, сочувствовавших общему славянскому делу. Следовательно, несмотря на все попытки Берлина развязать войну, Вена должна сохранять нейтралитет³⁹.

В середине декабря 1912 г. до Приклонского дошла информация о прибытии группы германских солдат в г. Кашшау (совр. Кошице. — *И. К.*), о чем он немедленно доложил в посольство России в Вене. Посольство очень встревожила эта информация. От генконсула потребовали срочно ее проверить. Через несколько дней Приклонский опроверг эти сведения, назвав их «не подтвержденными слухами»⁴⁰.

Летом 1914 г., когда мир находился на грани мировой войны, из различных дипломатических представительств приходила противоречивая информация. «Только генеральный наш консул в Будапеште М. Приклонский передал ничем, однако не подтверждавшийся им слух, будто Германия готовит катастрофу, от которой содрогнется мир», — писал директор департамента министерства иностранных дел Российской империи В. Б. Лопухин⁴¹. Трудно согласиться с мнением Лопухина: Приклонский был одним из наиболее талантливых российских дипломатов, работавших в Венгрии. Он смог заручиться обширными контактами с представителями политической, деловой и интеллектуальной элиты Венгрии. Это позволяло ему получать важную информацию, в том числе о внешней политике Австро-Венгрии и Германии. Дипломат внимательно отслеживал развитие ситуации на Балканах на протяжении последних лет. Поэтому уверенность Приклонского в неизбежности большой войны в Европе в 1914 г. основывалась на знании общей логики развития событий. Лопухин подверг жесткой критике посла России в Берлине С. Е. Свербева, отправлявшего в Санкт-Петербург успокоительные телеграммы и тем самым «проспавшего» начало Первой мировой войны⁴².

Подводя итоги, отметим пристальное внимание российских дипломатов к анализу отношения венгерской общественности к союзу Германии и Австро-Венгрии. Признавая решающую роль венгров в заключении союза Вены и Берлина, обусловленную их опасениями по поводу распространения панславизма и российской экспансии на Балканах, дипломаты отмечали глубинные противоречия между Германией и Венгрией. Во-первых, Венгрия могла стать жертвой распространения пангерманизма в Центрально-Восточной Европе. Во-вторых, экономическая экспансия Германии в Австро-Венгрии на Балканах и Ближнем Востоке наносила удар по интересам аграриев и молодой промышленности Венгрии. По мнению российских дипломатов, Будапешт последовательно отстаивал сохранение системы дуализма, вызывая резкую критику со стороны пангерманистов австрийской части империи Габсбургов и окружения наследника престола, недовольных положением немецкого населения Трансильвании. Эти обстоятельства создавали предпосылки ослабления популярности в Венгрии идеи сотрудничества с Германией, открывая возможности для развала Тройственного союза. Очередной виток роста напряженности на Балканах, связанный с началом Первой балканской войны, затормозил развитие этой тенденции.

³⁹ Там же, д. 583, л. 179—180.

⁴⁰ Там же, л. 160—161.

⁴¹ Лопухин В. Б. Указ. соч., с. 222.

⁴² Там же, с. 220.